

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Невеста года

Марина С. Серова

Невеста года

Серия «Мисс Робин Гуд»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183329
Невеста года: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-36399-5*

Аннотация

Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, считает: зло обязательно должно быть наказано, особенно причиненное ни в чем не повинному, благородному человеку – такому, как Юрий Бобров. О том же радеет и друг Боброва – Юрий Ростов. По его версии, Боброва довела до самоубийства группа одноклассников, которым даже теперь, по прошествии двадцати пяти лет, стоит отомстить. Тем более что предводитель шайки тех юных иезуитов Игорь Дударев недавно в ходе бизнес-разборок покалечил сына Ростова. Но так ли все просто в этой истории? И кто такой сам Ростов? Может быть, он не тот, за кого себя выдает?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Серова

Невеста года

Глава 1

И как меня угораздило забыть мобильник? Напасть эта случается со мной довольно редко, девушка я организованная, но именно поэтому маленькая неприятность выбила меня из колеи. Все бы ничего, но мой дед, Аристарх Владиленович, с утра чувствовал себя неважно, а человек он немолодой, мало ли что.

– Ничего с твоим Аришей не сделается, – кипятилась Алина, – подумаешь, принял на грудь лишнего! В его возрасте положено в кресле-качалке сидеть и газетой мух лупасить, а он у тебя шляется по ночным клубам. Вот пусть и страдает. Заслужил.

– Ты рассуждаешь, как законная супруга со стажем, – не согласилась я с лучшей подругой, – а мне деда жалко. Он единственный, кто у меня остался, и я должна беречь его как зеницу ока.

– А как же я? – часто заморгала Алина. – Я у тебя не осталась? Я для тебя ничего не значу? Может, я вообще для тебя посторонний человек? Как же так, Полина?

Не знаю почему, но эта сцена напомнила мне мой люби-

мый старый мультик про Малыша и Карлсона. Последний так же искренне расстраивался, когда Малыш горевал о собаке.

– Я для тебя хуже собаки? – словно прочитала мои мысли Алинка. – Мешаюсь под ногами, лезу не в свое дело, надеваю своей преданностью?

С небольшой натяжкой ее действительно можно было сравнить с Карлсоном. Много шума, разрушений, смеха, слез и искренней радости – вот как можно было коротко охарактеризовать мою подругу. Я заверила ее, что она для меня не хуже собаки, внесла поправку в список «единственных, кто у меня остался», и мысленно поблагодарила всевышнего и киномеханика за то, что они выключили свет в зрительном зале. Премьера была долгожданной, фильм – многообещающим, режиссер – талантливым. По крайней мере, первые же кадры высушили слезы на глазах моей подруги, а действие увлекло ее настолько, что она забыла нечаянно нанесенную мной обиду.

* * *

После фильма я отвезла Алину к ней на квартиру, вызвав бурю негодования своим отказом продолжить вечер в каком-нибудь приятном месте, и заспешила домой. Конечно, дед знал номер телефона Алины и мог в случае чего позвонить ей, но сердце мое все равно было не на месте. Муж-

чины – хуже детей. Это бабушки добросовестно принимают меры при повышении давления или боли в сердце, дедушки же предпочитают складывать руки на груди и скорбно дожидаться дамы с косой или того, кто вызовет им «Скорую». И кто придет первым, их будто бы не касается.

С Аришей все было в порядке. Когда я вернулась домой, он сидел в гостиной в своем любимом шелковом халате, щелкал кнопками дистанционки и грел в ладони бокал с коньяком.

– Вернулась, гулена? – строго бросил он мне. – На часы смотрела? Тут тебя с собаками ищут, а ты бродишь где-то. Оставила старика одного, запретила выходить из дома, даже не подумала о том, что я совершенно не могу жить без общения. Вот зачахну от тоски, будешь локти грызть.

– Кто звонил? – проигнорировала я обвинения в мой адрес.

– Я, конечно, не секретарь, – гордо подбоченился он, – поэтому принял только один звонок. И только потому, что мне симпатичен абонент.

– Дедулечка, выражайся проще, – попросила я, – спать очень хочется. Звонок важный?

– Несомненно, – кивнул он, – некий Вася настаивает, чтобы ровно в полночь ты ждала его возле часовни на старом кладбище. Он утверждает, что ему грозит опасность, поэтому ты должна подъехать к кладбищу с потушенными фарами, одеться в черное и передвигаться на ощупь. Пароль: «У

вас нет лишнего билетика на концерт музыки композитора Стравинского?» Отзыв: «Отвали, я просто мимо иду». Поторопись, до полуночи осталось полчаса.

– Ариша, ты не шутишь? Мне действительно прямо сейчас надо ехать на кладбище?

– Позвони Васе. У тебя ведь есть номер его мобильного, – пожал он плечами.

Мне так не хотелось тащиться ночью на кладбище, что я предпочла поверить в коварство деда и нажала кнопку быстрого набора номера Васи и Люси. Металлическая леди бесстрастно ответила, что абонент находится вне зоны действия сети. Что за чертовщина? На кладбище, где обитают мои приятели, прекрасная зона доступа. Не могли же они на ночь глядя куда-то уйти, все-таки люди не самые молодые, предпочитают по ночам спать в своей часовенке. Придется ехать.

Я быстро переоделась и спустилась вниз.

– Едешь, Полетт? – удивленно поднял брови Ариша.

– А куда я денусь? Они еще ни разу не побеспокоили меня зря.

– Могу предложить тебе сопровождение, – ненавязчиво заметил он.

– Не стоит, – отказалась я. – Вася не стал бы звать меня, если бы опасность угрожала его жизни. Скорее всего какие-нибудь конфликты с законом или склоки со своими. Не жди меня, ложись.

– Как же, – буркнул дед, – лягу я. Вторая бессонная ночь

по вашей милости.

Это сегодня на него напала старческая ворчливость, а вообще мы живем душа в душу, понимаем друг друга с полуслова и доверяем безгранично. Ариша часто выручает меня в сложных ситуациях, а его поистине энциклопедические знания о прошлом и настоящем тузов нашего города и умение добывать эти данные дорогого стоят. К тому же с ним просто интересно. Его главным недостатком является страсть к игре во всех ее проявлениях, склонность к шулерству, любовь к ночным кутежам в клубах. Впрочем, ведя разгульную ночную жизнь, дед никогда не изменяет своей врожденной интеллигентности. Небрежность в одежде и помятый утренний вид исключены, остается только удивляться, как в столь преклонном возрасте он ухитряется настолько элегантно выглядеть. Я чмокнула его в теплую щеку и вышла из дома.

Машина успела остыть, я зябко поежилась, привыкая к холоду. Интересно, к чему мне предстоит быть готовой? Что задумал Вася? Обычно он не тревожит меня по пустякам, и инициатором наших встреч являюсь я. Поскольку ни одно мало-мальски разумное предположение не посетило мою голову, я решила не гадать. Доберемся – увидим. До полуночи оставалось всего ничего, кладбище располагалось в черте города, поэтому маяться в неведении мне оставалось недолго.

Как и требовал мой приятель, я выключила фары заранее, не доезжая нескольких сот метров до ограды, благо было

полнолуние, небо оставалось чистым, а снег прекрасно отражал свет луны. Перспектива пробираться по кладбищу, утопая в сугробах, могла поколебать решимость и более храброго человека, чем я, но я знала, что от пролома в оградке протоптана тропинка, ведущая прямо к часовне. Кладбище уже давно не навещали потомки умерших, зато его облюбовала парочка бомжей. Они рьяно охраняли свою территорию, собратьев пускали разве только в гости, поэтому погост был в их полном распоряжении. Я познакомилась с ними почти случайно, они помогли мне один раз, и в последующем я уже не могла обойтись без содействия Васи и Люси. Они честно и четко выполняли мои поручения, я платила им наличными, помогала обустраивать их быт и проявляла к ним искреннее уважение. Кажется, именно за отсутствие брезгливости в моем взгляде и они относились ко мне с величайшим почтением. Все материальное было для них вторично.

Прежде чем прошмыгнуть в пролом забора, я, несколько не колеблясь, достала из-под сиденья старый ржавый серп. Этот предмет винтажа я выпросила у одной своей клиентки. На меня произвело неизгладимое впечатление то, как сей незатейливый предмет крестьянского быта вверг в обморочное состояние нехилого мужика. Что удивительно, мне не пришлось даже им размахивать и кричать страшные угрозы в его адрес; когда мой противник увидел ржавые зубрины на конце серпа, он добровольно потерял способность к сопротивлению, вместе с сознанием, естественно. С тех пор

я держу серп в машине. Холодным оружием он не является, разрешения на него не требуется, а испугать при нападении может любого. Моим врагам совершенно необязательно знать, что я не владею приемами восточных единоборств, пусть считают, что это грозное оружие в моих руках обладает поистине смертоносной силой. А если на него наткнутся работники правоохранительных органов, то всегда можно объяснить, что я держу дома козу, вот и таскаю с лета серпик: мало ли где удастся травки накосить. Кстати, моя подруга Алина время от времени пытается завести на моем подворье какую-нибудь живность: овчарок, страусов, куропаток. А еще она пыталась создать на моей территории базу подготовки скалолазов и приют для малолетних наркоманов. Так что соседи привыкли к неразберихе у нас за забором, если что, подтвердят, что и коза была. Сама Алина живет в обычной городской квартире, и широта ее души пребывает в постоянном конфликте с размером жилплощади. Поэтому все свои безумные идеи она пытается воплотить в непосредственной близости от моего жилища, благо живем мы с дедом вдвоем в просторном загородном коттедже.

Меня нисколько не смущал тот факт, что с серпом в руке я выгляжу совершенно по-дурацки: я же не по супермаркету светлым днем топаю, а по кладбищу в полнолуние! Дурацкий вид в дурацкой ситуации – то, что надо.

Я накинула капюшон дубленки на голову и преувеличенно громко зашагала по плотно утоптанной тропинке, сметая

снег с тянущихся ко мне веток кустов и стараясь не смотреть по сторонам. Чтобы немного отвлечься, я решила разозлиться на Васю: он что, не мог встретить меня возле ограды? Неужели не понимает, что я все-таки только во вторую очередь его босс, а в первую – девушка, а все девушки боятся находиться ночью на кладбище. На старом, заброшенном, да еще и в полнолуние. Злость помогла развеять страх, и скоро тропинка вывела меня к часовенке. Она казалась безлюдной, но я-то знала, что внутри ее тепло и вполне уютно – сама помогала готовить жилище бомжей к зиме. На всякий случай я решила не ломиться сразу в дверь, а немного оглядеться. Тихо. Если бы меня ждали, то давно бы вычислили по скрипу снега под моими сапогами. Я постояла несколько минут, пока мое боковое зрение не уловило черную тень, мелькнувшую слева. Я резко повернула голову. Тень от часовни падала таким образом, что на снегу вырисовывался ее четкий контур и как на экране театра теней было четко видно: кто-то прятался за противоположной стеной. Сейчас он стоял неподвижно, но мгновение назад, видимо, сменил позу, отчего тень его метнулась по белому полотну снега и снова замерла.

Я нащупала в кармане газовый баллончик. Не оружие, конечно, но пару раз меня выручал. В комплекте с серпом уже что-то. Я ждала. Тень не подавала признаков жизни, я начала замерзать. Интересно, сколько продлится эта игра в прятки? Тень пришла раньше, поэтому уступила первой.

– Это вы, Полина Андреевна? – произнесла она голосом

Васи.

– Вася, сколько можно держать меня на морозе? – отлегло у меня от сердца. – Конечно, я. Кто еще в такое время здесь может шататься?

– Ну, – усмехнулся он, вылезая на свет, точнее, на лунный свет, – кому положено, тот и шатается. Вы себя со стороны видели?

Зеркал здесь не водилось, поэтому я бросила взгляд на все то же ровное полотно снега. Да, картина. Нечто черное, длинное, с капюшоном и четко прорисованным на снегу серпом. Ну и что? Во-первых, смерти на кладбище делать нечего, она ищет жертвы среди живых, во-вторых, эта дама ходит с косой, так что сходство у нас с ней только отдаленное.

– Живешь на кладбище – будь готов ко всякому, – изрекла я. – Зачем звал?

– А это точно ты? – все еще не покидал своего убежища он.

– Не валяй дурака, Василий, – начала сердиться я, – а то уйду.

– Ладно, уже можно, полночь наступила, – сжалился он, – вы сами говорили, что культурный человек должен быть... слово забыл, на «пук» начинается.

– Пунктуален, – подсказала я.

Я уже поняла, что ничего экстраординарного не произошло, и начала немного злиться на Васю. По сравнению с его женой он казался мне более здравомыслящим человеком,

подобную выходку следовало ожидать скорее от Люси.

– Пройдемте в дом, – пригласил он меня в часовенку, – Люся чаю наварила.

Маленькая часовенка освещалась с помощью керосинки, небольшая печурка давала уверенное тепло, внутри было почти уютно.

– Мы хотим сделать заказ, – торжественно начала Люся, – ты же даешь по кумполу всяким нехорошим людям, если они делают заподлянки беззащитным и хлипким?

Вот это номер! До последнего момента при выполнении моих поручений Люся и Вася не проявляли ни малейшего любопытства по поводу сущности моей деятельности. Мне казалось, что им совсем неинтересен конечный результат операции, они просто добросовестно и с нескрываемым удовольствием делают свое дело. И вдруг такое откровение! Неужели я работаю так прозрачно?

– Откуда вы взяли? – нарочито равнодушно поинтересовалась я.

– Наши рассказали, что в городе появилась девушка, которая крошит в щепу всяких засранцев. Только, по их рассказам, ты летать умеешь, разить взглядом и испепелять словами, но мы-то в сказки не верим.

– Не понимаю, при чем здесь я?

– Ни при чем? – скорчила расстроенную гримаску Люся. – А мы с Васей сопоставили факты, отбросили лишнее и решили, что это ты.

– Не я, – решительно огорчила их я. – Я летать не умею, и взгляд у меня самый обычный. Если бы слухи оказались правдой, вы бы первые испепелились, все-таки часто общаемся, да и при первой нашей встрече вы не были так дружелюбны, как сейчас.

– Нет, ты не поняла, – захохотала Люся, – мы и не думали, что ты все это умеешь делать. Если бы так, то тебя спасать ни разу бы не пришлось. А то мы просто замучились вытаскивать тебя из всяких заварушек. А вот то, что ты доводишь до ручки супостатов и нечестивцев, которые честному люду в душу плюют, – факт.

Я не стала с ними спорить. По сути, они правы, цель моей профессиональной деятельности – помочь тем, кто не в состоянии справиться с бесчинством всяких зарвавшихся негодяев. Порядочным людям часто не хватает твердости, чтобы отстоять свою честь, свободу, а иногда и жизнь, и тогда на помощь им прихожу я. Не безвозмездно, разумеется, но в некоторых случаях я не то что не беру деньги с клиента, но и сама помогаю решить их материальные проблемы. А впрочем, размер гонорара для меня не так уж и важен, в свое время дед хорошо вложил свою «кубышку», хранимую с древних времен, и с тех пор мы получаем неплохие дивиденды. К тому же он очень неплохой игрок, если не сказать больше, и прилично пополняет свой кошелек за игрой в клубах и казино. Деятельность свою я не афиширую, но потенциальные клиенты каким-то образом на меня выходят. То,

что меня расшифровали Вася и Люся, мне не очень понравилось, но и не сильно расстроило. Почему-то принято считать, что участь бездомного постигает отбросы общества, не обладающие ни умом, ни талантом. Однако среди коллег моих приятелей были люди из среды интеллигенции. Да и Вася с Люсей, судя по всему, обладали артистизмом, развитой интуицией и некоторой эрудицией. Как-нибудь надо поинтересоваться, что помогло им докатиться до такой жизни и кем они были в прошлом.

– Так что все-таки случилось? – перешла я к делу.

– На нас напали, – пожаловалась Люся, – напали и оскорбили. Так как мы с Васей люди слабые и робкие, сами мы отомстить за себя не сможем, вот и решили тебя нанять. В счет будущей работы. У тебя ведь будет для нас работа? Платишь ты хорошо, так что свой долг мы отработаем быстро. И тебе выгода, экономия. Вон сколько ты на нас тратишь! Мать родная для детей таких денег пожалеет. Если она, конечно, плохая мать.

– Раньше вы сами разбирались с вашими обидчиками, – заметила я.

– Раньше мы ссорились с такими, как мы. Дашь пару раз по башке, и всего делов. А тут человек важный, на машине хорошей ездит, культурно выражается. С таким тонко надо, а у нас на тонкости ума не хватает. Чего только не думали – кроме хорошей взбучки, ничего в голову не приходит. Это ты у нас по тонкостям мастер.

– Вы можете сказать, что произошло? – начала я терять терпение.

– Замолчи, Люся, – вступил в разговор Вася, – звенишь битый час, а по делу еще ничего не сказала. Дело было так. Вышли мы в город с утра, прогуляться по делам. Стоим себе возле бачков мусорных, работаем, никого не трогаем. Вдруг слышим, машина рядом притормозила. Ну, притормозила и притормозила, может, человек выкинуть чего захотел? Мы на людей внимания не обращаем, поэтому и они нас не трогают. А этот потрогал. «Эй, – говорит, – ты, заработать хочешь?» Представляешь, сразу на «ты» и на «эй». Хотя бы товарищем назвал или еще как. В общем, сразу он нам с Люсей не понравился.

Я не очень внимательно слушала Васю. Было понятно, что вызвал он меня по пустячному делу, страху напустил для пущей важности, даже время назначил такое, которое, по его мнению, должно было меня заинтриговать и убедить в серьезности происшедшего. Впрочем, отсутствие серьезности не разочаровало меня, а обнадружило: моим агентам ничего не угрожает, значит, можно спать спокойно. Вася тем временем рассказывал дальше.

По его словам, тип из дорогой машины сразу взял быка за рога и предложил Васе со товарищи за внушительную сумму хорошенько потрепать некоторых личностей. Эти личности будто бы его совершенно достали и просто просят на кулак. Вася обиделся: он считал себя человеком интеллигент-

ным, ввязывался в драки в исключительных случаях и очень не любил получать кулаком под ребра. С какой это стати его собираются использовать вместо пушечного мяса? Если он бездомный, то, значит, способен на любую пакость и подлость? Все эти соображения он и попытался высказать владельцу авто. Но тот не дал ему даже до половины развить свою мысль, послал Васю самым грубым образом и резко газанул с места, окатив Люсю с ног до головы жижей из растаявшего снега. Это было обидно и несправедливо. А кто у нас спец по борьбе с несправедливостью? Правильно, Полина Казакова, двадцати девяти лет от роду, проживающая за городом в элитном коттеджном поселке. И для нее не должно быть разницы, кого защищать: королевскую дочку Брунгильду или бомжиху Люсю.

Естественно, я не собиралась искать хама и насылать на его голову громы и молнии. Всех грубиянов не перевоспитаешь, он уже и думать забыл о норовистом бомже, отказавшемся выполнить его маленькую просьбу. Но огорчать моих агентов отказом тоже было несправедливо. Они в первый раз обращались ко мне с просьбой.

– Хорошо, – решила я, – ничего обещать вам не буду, но если удастся найти вашего обидчика, я его покараю. Номер машины запомнили?

– Записали, – протянул мне огрызок бумажки Вася, – только ты его хорошенько покарай, чтобы неповадно было.

– Проводи меня до машины, – попросила я его, – я хоть и

умею испепелять взглядом и летать на метле, но страху не терпелась, пока дошла до часовни.

– Это понятно, – снисходительно усмехнулся Вася, – поэтому мы тут и живем. Мы привыкли, а чужие не заходят. Разве только готы, но они тоже безобидные. Смешные такие. Распыхтятся, расшумятся, слова всякие страшные говорят. Я тебе в следующий раз позвоню, когда у них сборище будет, приходи. Только серп не забудь и капюшон накинь. Попугаем их.

– Скорее приятное сделаем. Встретить чудище в плаще и с серпом ночью на кладбище – мечта любого гота.

– Э, не скажи. Это они претворяются такими мрачными и бесстрашными, а стоит повить или из могилы только что вырытой выползти, визгу на все кладбище.

– И для этого ты не брезгуешь в могилу залазить?

– Да я там летом сплю, когда Люська из дома выгоняет. Прохладно, уютно, звезды светят.

Обратная дорога показалась мне вдвое короче, а кладбище – милым зимним парком. Вот что значит сопровождение мужчины!

* * *

Уснула я поздно, поэтому с чистой совестью проспала чуть ли не до полудня. Снилось мне, что я спасаю королевскую дочку Брунгильду из лап готов. Эти смешные люди тре-

бовали, чтобы бедняжка собственноручно приготовила рагу из пауков-птицеедов, а девушка настаивала на том, что вкуснее будет добавить их в сыром виде в греческий салат. Я прискакала на белом коне в самый решающий момент: готы как раз собирались перекрасить золотистые кудри бедняжки в цвет воронова крыла. За неповиновение. Брунгильда отчаянно ругалась мужским голосом, мой конь ржал ей в унисон, Вася тянул руки с давно не чищенными ногтями из глубокой могилы. Приснится же!

Явь оказалась еще безобразнее сна. Даже когда я открыла глаза и помотала головой, пытаясь прогнать наваждение, Брунгильда продолжала ругаться, а конь коротко и нежно ржать. Я быстро накинула халат и выглянула в окно. В моем маленьком дворике действительно стояла лошадь. В яблоках. Ариша располагался на безопасном расстоянии, махал руками и за что-то отчитывал лошадь. Логика подсказала мне, что бедное животное не само пришло на нашу территорию, я отдернула занавеску и поискала единственное существо на земле, способное на подобную пакость. Алинка стояла невдалеке и молчала. Вид разгневанного деда нисколько ее не пугал, она просто ждала, когда Ариша выговорится и даст возможность хоть что-то сказать ей. Надо было спешить деду на помощь. Я быстро оделась и выскочила на крыльцо.

– Полетт, – жалобно произнес дедушка, – эта сумасшедшая девушка говорит, что лошадь будет у нас жить. Я истратил все аргументы, скажи хоть ты ей, это же твоя подруга!

Понятно, у Алины новое увлечение. Если бы нашелся умный человек, способный использовать бурлящую энергию этой девушки во благо мира, думаю, мир забыл бы о кризисах. Интересно, что на этот раз? Школа верховой езды – как-то слишком просто и спокойно.

– Я все объясню, – не стала дожидаться вопроса Алина. – Марсик жил на конюшне при ипподроме. Потом он состарился, и его хотели списать на колбасу. Я узнала и попросила отдать его мне. Он милый и добрый, а денег на хорошего молодого коня у меня нет. А какая же казачка без коня? Сторож, очаровашка, а не дядька, отдал его мне за несколько бутылок водки и попросил никому ничего не говорить, а то его отругают и с работы выгонят.

– Какое отношение ты имеешь к казачеству? – проявила последовательность я.

– Самое непосредственное. В нашем городе, оказывается, уже сто лет существует казачество, а я только сегодня утром оказалась в курсе. Ну, удрала с работы – и сразу в штаб. Они согласились меня принять, надо только пройти испытание и завести коня. Коня я уже почти завела. Молодец я? Они думают, что я испугаюсь трудностей! Наивные создания!

Да уж, наивные. Попытались отделаться от назойливой девицы, поставив перед ней непреодолимое препятствие. Они же не знали, на кого нарвались. Вероятнее всего, этот штамп они использовали неоднократно – ушлые усатые дядьки таким образом отсеивали лишних, но в этот раз они не знали,

что номер не пройдет. Ну, это их проблемы. Что будем делать с Марсиком?

– Я же не могу тащить его к себе на шестой этаж, – аргументировала тем временем свою выходку Алина. – Коня нельзя держать высоко от земли, у него нарушается пространственная связь с миром. Да и родителям не понравится, если по дому будут разбросаны лошадиные лепешки.

– Могу тебя обрадовать, – поспешила я, – это коровы оставляют лепешки. А лошади – катышки. Вполне твердые. Так что для твоих родителей сюрприз не будет столь уж неприятным.

– Полина, ну ты же понимаешь, что в лифт Марсик не влезет! Я все измерила. А идти пешком у него ноги устанут. Имей сострадание к старости!

– Вот-вот, – встрял дед, – к старости! Моя старость, значит, никого уже не волнует? К ней сострадание иметь не надо? В моей гостиной в стиле рококо, значит, катышки можно разбрасывать?

– Хе! – воскликнула Алина. – Какой же вы старый? У вас и зубы все целы, и с палочкой вы не ходите. Ей-богу, если бы не Полина, я уже давно соблазнила бы вас и женила на себе. А вот от Марсика даже пожилые кобылы отворачиваются. Знаете, как он переживает? И рококо ваш не пострадает. Если вы против, коня вообще можно на дворе держать, кони к этому делу привычные.

Я знала, чем закончится дело. Алинка все-таки настоит

на своем любимым способом, пару дней не будет вылезать из нашего дома, потом позвонит, попросит в порядке исключения покормить Марсика, потом исключение войдет в норму, и конь плавно перейдет на мое попечение.

– Полиночка! – Алина молитвенно сложила руки. – Того, о чем ты подумала, не будет. Я обещаю, а обещания я держу. Ну, пожалуйста! Во имя добра! Сарайчик у забора у вас все равно пустой, я уже наняла ребят, они переделают его в конюшню за считанные часы. Там только стойло сделать да кормушку, и все! Ты посмотри в его глаза. Разве можно такого – на колбасу?

Против своей воли я заглянула в печальные глаза старого коня. И поняла, что подруга, как всегда, победила.

– Это не навсегда, – предупредила она, прочитав в моих глазах то, что я тщательно пыталась скрыть. – Мы его немножко подлечим, а потом, когда казаки достроят свои конюшни, я арендую у них стойло. Я добьюсь, ты меня знаешь. Там Марсику будет веселее. Все-таки другие лошадки рядом, и побегать есть где. У тебя в саду не больно-то порезвишься, понатыкали всяких гладиолусов, порядочному животному ступить негде.

Дед, поняв, что битва проиграна, махнул рукой и скрылся в доме. Теперь весь день будет дуться. Но задний ход я дать не могла, поэтому весь день занималась устройством жилища для Марсика. Обещанные подругой рабочие действительно быстро справились с переоборудованием сарая в

конюшню, Алина сбегала в небольшой магазин, расположенный на территории поселка, и притащила несколько упаковок мюсли.

– Решила вести здоровый образ жизни? – чуя неладное, поинтересовалась я.

– Никогда, – отрезала она, – это для коня. Представляешь, обегала весь город в поисках швейцарских мюсли, а у тебя в магазине их – завались, на любой вкус.

– Собираешься этим кормить Марсика? – не поверила я.

– Я посмотрела состав, там семечки, кедровые орешки, изюм, несколько видов зерновых, сушеная папайя. Все очень полезное. А Марсику надо беречь здоровье, он уже далеко не молод.

– Это понятно, – согласилась я, – только не думаю, что человеческая пища ему подходит. Не боишься, что у него расстройство желудка начнется?

– Это у меня расстройство начнется, – парировала она, – потому, что моя лучшая подруга сообразительность потеряла. Марсик старый? Старый. У стариков обычно зубов нет. Чем он будет грызть овес? Деснами? Или протезы организуем? А здесь все зерновые расплющены, их можно глотать, не разжевывая. Язык в пакет сунул, хлопья на него налипли, и весь труд.

– Логично, – согласилась я, – только лошади едят больше, чем люди, ему на один раз, думаю, полведра насыпать надо. Разоришься.

– Правда? – задумалась Алина. – А может, у него все-таки есть зубы? Посмотрим?

– Не советую. Он может не понять твоего доброго порыва и продемонстрировать наличие зубов на твоей руке. А лошади, я слышала, кусаются, как бультерьеры.

– Да? А я думала, что они травоядные. Тогда сейчас же позвоню ветеринару из конюшен, где Марсик жил, и спрошу.

– Не стоит, – остановила ее я, – ты еще не оформила беглеца в собственность официально? Значит, нечего рисоваться. Я сама найду ветеринара. Кстати, давно надо было это сделать, кто знает, какие скрытые болячки могут быть у твоего подопечного. Да и уход за ним явно специфичнее, чем за кошкой.

До приезда ветеринара мы решили оставить все как есть, и Марсик, шумно выдыхая воздух, с явным удовольствием схрумкал несколько пачек дорогих мюсли.

– Ему с детства не везло, – рассказывала мне тем временем Алина, – среди настоящих знатоков эта расцветка считается отбраковкой. Не понимаю почему, ведь конь в яблоках – это так красиво! Даже на серьезные скачки такую лошадку могут не выпустить, поэтому Марсика и тренировать особо не стали, держали для катания любителей. А он мог бы стать чемпионом, я чувствую! А тут, на днях, один буржуй супругу свою привез, покататься она захотела, это модно, понимаешь ли. Дали ей Марсика, как самого спокойного, так ей шагом ехать неинтересно стало, захотела поскакать!

Стала его пятками в бока бить, а он никак не поймет, чего от него хотят. Ну и сбросил тетку. Она и настояла, чтобы Марсика на колбасу отправили. Хорошо, мне договориться удалось. Поэтому Марсика первое время скрывать придется, если он на глаза этой тетке попадется, скандал будет.

– Значит, вот зачем ты привела его ко мне? На самом деле мой дом используется в качестве убежища для беглеца? – менторским тоном заявила я. – Сама подумай, если его продали на колбасу, мясокомбинат его быстро хватится, допросят сторожа, выйдут на тебя, а там – и на нас с дедом. Это же выглядит как элементарная кража!

– Полиночка, – опять заломила руки Алина, – в этом нет никакого криминала. Я немного приврала, его не на колбасу, его просто на бойню отправить хотели. Он же старый, из него колбаса невкусная. Это я для устрашения придумала, чтобы тебя растрогать. Так что сейчас все довольны: и живодерам работы меньше, и сторожу весело. А муж ведьмы связи имеет. Если она узнает, что Марсик жив, не угомонится, пока из него нарезку не попробует.

– Ты меня совсем запутала, – вздохнула я, – но вообще поступила правильно. Не знаю, чем закончится эта история, так что пока пусть Марсик действительно поживет у нас. Но при одном условии: лошадь все-таки твоя, поэтому ухаживать за ним будешь ты. И еще: соседи у нас не стукачи, но Марсику нужны документы. Так что на время забудь о качестве и займись проблемой легализации своей движимо-

сти. Думаю, ты сможешь как-нибудь договориться с хозяином конюшни. А дама, которой он не угодил... Ты считаешь, что мы не сможем разделаться со вздорной бабенкой? И ее подкаблучником мужем? Как только документы на Марсика будут у тебя на руках, то и все козыри окажутся на нашей стороне.

Алинка завизжала и бросилась мне на шею:

– Ты, Поляночка, просто сокровище, а не подруга! До гробовой доски нашей дружбой гордиться буду!

– Если не сядем в одну камеру, – проворчала я.

Глава 2

Прошло несколько дней. Вопреки своему обыкновению, Алина исправно исполняла роль хозяйки Марсика. Она и раньше могла задержаться у меня на недельку-другую, поэтому в первый же день притащила в гостевую спальню предметы первой необходимости.

Чтобы чем-нибудь занять себя, я съездила на ипподром и узнала, что дама, так невзлюбившая Марсика, является супругой хозяина небольшой сети мебельных магазинов города, Дударева Игоря Владиславовича. Алевтина Дударева вела светский образ жизни, а попросту – бездельничала дома перед телевизором. Скучала она, судя по всему, отчаянно. В нашем провинциальном городке даме полусвета практически нечем себя занять, поэтому понять ее было можно. Дочь выросла, возраст самой Алевтины приближается к критической черте, полтинник на горизонте, в профессиональном плане она себя не реализовала. Стоило в ближайшее время постараться разузнать об этой даме побольше, не может быть, чтобы за душой у нее совсем не было грешков. Имея компромат на Алевтину, легче будет отстоять жизнь Марсика. И чего дался мне этот старый конь? Никогда не замечала за собой особой любви к животным. Скорее всего меня задела легкость, с какой вздорная бабенка потребовала лишиться жизни живое и ни в чем не повинное существо. Ладно, раз-

беремся. Эта проблема не казалась мне неразрешимой. Как только Алина получит на руки официальные документы на Марсика, его можно будет переправить в конюшню казачества.

Немедленно приступить к исполнению намеченного мне помешал телефонный звонок. На дисплее мобильного обозначился номер сотового Васи. Что-то часто в последнее время кладбищенский бомж выходит на связь! Голос в трубке, однако, оказался совсем не Васин.

– Я могу поговорить с Полиной? – поинтересовался незнакомый мужчина.

– Я вас слушаю.

– Девушка, вы можете объяснить мне, что происходит? По какому праву ваши подручные лишили меня свободы? Учтите, я этого дела так не оставлю. Дайте мне только добраться до первого поста милиции.

– Не слушай его, – теперь уже говорил Вася, – никуда он не доберется, мы его колеса заблокировали. Приезжай скорей, а то он нам надоел хуже горькой редьки. Просто драться от его брюзжания хочется! Жаль, что нельзя.

И чего это у всех людей знакомые спокойные и законопослушные, а мои постоянно втягивают меня во всякие неприятные авантюры?

– Вася, скажи четко и без эмоций, у кого вы заблокировали колеса и зачем мне приезжать? – спросила я, в сущности, уже зная ответ.

– Ну, ты неразумная! Это же тот супостат, который у по-мойки наше человеческое достоинство унижил. Сама велела его выследить и захватить, а теперь ничего не понимаешь. Вот, захватили. Твоя очередь его тонко наказывать. Только торопись, а то я его грубо накажу, хоть он и инвалид.

Этого еще не хватало! Я потребовала, чтобы Вася держал себя в руках и не мстил раньше времени инвалиду, и завела свой «Мини-Купер». Доказывай теперь человеку, что никаких таких указаний я бомжам не давала и задержали его они по собственной инициативе.

К моему ужасу, потерпевший действительно оказался инвалидом. Чтобы понять, что японский автомобиль, припаркованный у ограды старого кладбища, с ручным управлением, было достаточно одного беглого взгляда в салон. Сидевший в машине мужчина зябко кутался в дубленку, Вася и Люся топтались рядом.

– Кто вам позволил задерживать его? – бросилась я с места в карьер. – Вы не видите, что человек не может дать вам отпор?

– Так это хорошо, – сконфузился Вася, – иначе мы бы с ним не справились. Вон откормленный какой.

– Извините, – искренне попросила я «откормленного», – эти люди вполне безобидны, просто на днях вы поступили с ними не вполне корректно, вот они и решили восстановить справедливость таким варварским способом. Не беспокойтесь, никто вас удерживать насильно не будет. Мне бы толь-

ко хотелось, чтобы вы не принимали никаких мер по отношению к моим друзьям.

– На первый взгляд приличная девушка, – поднял глаза на меня пострадавший, – а знаете со всяким сбродом. Еще и заступаетесь. А вы знаете, что они мне ножом угрожали?

– Видишь, он опять, – заныла Люся, – сбродом обзывается!

Я бросила свирепый взгляд в ее сторону:

– Рассказывай, как все было.

– Мы еще тогда решили сами его выследить, – зачастила Люся, – ты же у нас занятая, пока бы собралась, он уже усвистел бы в свое Подмосковье.

– При чем здесь Подмосковье?

– На номера посмотри, – с легким презрением фыркнула она, – так вот, мы с Васей ходили по городу, ходили и нашли! Стоит себе машина возле стройки, хозяина ждет.

Из ее рассказа стало понятно, что упускать обидчика они не собирались, затаились за бетонным блоком и стали ждать хозяина машины. На свою беду, скоро он вернулся. Правда, не один, а в сопровождении какого-то парня. И... на инвалидной коляске. Привычным движением подтянулся на руках, перекинул свое тело на переднее сиденье, парень сложил коляску и погрузил ее в багажник. Потом приветливо махнул рукой и удалился. Вот тут и вышли на сцену горе-похитители. Люся выскочила из-за блока, раскрыла переднюю дверцу и плюхнулась на сиденье, Вася пристроился сзади.

Люся заявила, что у ее напарника с собой огромный нож, в случае чего церемониться он не будет, и велела ехать, куда она прикажет. Инвалиду ничего не оставалось делать, как послушаться атаманшу.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросил мужчина после того, как Люся закончила. – Я приблизительно догадываюсь, кто вас нанял, только не понимаю вашей заинтересованности в этом деле. Назовите вашу фамилию, пожалуйста. Назовите, – надавил он, увидев мое замешательство. – Если вы оставите меня в живых, я все равно вычислю вас. Я запомнил номер вашего мобильного, когда этот тип набирал его. Да и номера машины вы не скрываете.

– Полина Казакова, – представилась я. – А вы?

– Будто бы не знаете, – горько усмехнулся он. – Юрий Ростов. Дударев не назвал мою фамилию или вы просто боитесь ошибиться?

– Дударев? – переспросила я. – Игорь Владиславович?

Занятое совпадение. Как говорится, помянешь черта, он тут как тут. Значит, семейство Дударевых храбро воюет не только со старыми клячами, но и с людьми с ограниченными возможностями? Широкий круг интересов у этой парочки! Я глубоко вздохнула, присела рядом с Юрием и постаралась разъяснить ему ситуацию. В то, что Люся и Вася действовали без указаний свыше, он поверил быстро. Я напомнила ему инцидент у помойки, и он действительно признал в них тех бомжей, которые отказались выполнить его заказ.

Когда Юрий понял, что стал заложником своего же хамства, он вдруг неудержимо расхохотался, откинув назад голову.

– Ну, вы даете, – еле смог выговорить он, – столько суеты и шума на пустом месте.

– Не на совсем пустом, – не поддержала я его веселья, – вы обидели моих друзей. Люся и Вася, конечно, изгой общества, но люди они безобидные, зла никому не делают, закон не нарушают. Случилось так, что они оказались на задворках жизни, но истинный интеллигент никогда не посмеет ставить им это в вину.

– А ведь вы правы, – посерьезнел он, – по сути, мы с ними находимся в равном положении. Я точно так же не вписываюсь в привычное общество и у многих вызываю брезгливую жалость. И если бы не... впрочем, не будем об этом. Если с вашими друзьями все понятно, то относительно вашей персоны я в полной растерянности. Кто вы, Полина Казакова? Путевая дочь этих несчастных? Их «крыша»? Сутенерша?

– Сам ты сутенер, – не выдержала Люся, – Полина наш босс. Мы вместе с ней зло искореняем.

– Люся! – одернула ее я.

– Нет, постойте, это интересно. Мне как раз позарез нужен человек, умеющий искоренять зло. Сам я, как видите, ограничен в своих физических возможностях, а проблемы просто за горло хватают. Вы не могли бы подробно рассказать о своей деятельности, если ваша Люся не болтает?

– Сначала расскажите, почему вы посчитали, что меня на-

нял Дударев, – потребовала я, – вы, судя по всему, человек приезжий, когда же успели насолить этому мебельщику?

– Судя по вашему строгому тону, вы меня не отпустите, пока я не выложу всю свою подноготную, – опять усмехнулся он, – раз так, то слушайте.

Напряжение его спало, мелкие морщины разгладились, и я поняла, что он гораздо моложе, чем показался мне вначале. Несмотря на седину, ему было где-то лет сорок пять – сорок семь, а о том, что передвигается он только с помощью инвалидной коляски, и вовсе ничто не напоминало. Подтянутый, сухощавый, ни намек на брюшко, несмотря на то что мои друзья обозвали его откормленным. Подбородок тщательно выбрит, глаза светлые, серо-голубые. Я поймала себя на мысли, что он должен нравиться женщинам. Такая сквозила во всем его облике мужская сила и уверенность, что хотелось молча повиноваться ему во всем и пользоваться его защитой. Я не удержалась и бросила взгляд на пальцы правой руки. Женат! Что, впрочем, неудивительно.

То, что я изучила внешность Юрия, не мешало мне внимательно слушать. Рассказ его был лаконичен и короткий.

Юрий являлся владельцем и учредителем мебельной фабрики, находящейся в Подмоскowie. Дела у него шли хорошо, и сейчас он находился на этапе открытия сети фирменных магазинов «Кошкин дом». Марка его фабрики хорошо себя зарекомендовала, название ее было на слуху у потребителя, дело требовало расширения. В некоторых городах Рос-

сии уже открылись и активно работали магазины «Кошкин дом», очередь дошла и до нашего Горовска. Для улаживания формальностей и поиска подходящего помещения в город выехала передовая бригада менеджеров во главе со старшим сыном Юрия, Егором. У Егора уже был некоторый опыт в подобных делах, поэтому ничего не предвещало серьезных затруднений.

Когда на Егора вышел Игорь Дударев, парень не растерялся. Недовольство хозяина нескольких мебельных магазинов города было понятно, не все на ура воспринимают здоровую конкуренцию. Так как Егору уже приходилось решать подобные проблемы, он пошел проторенным путем и предложил Дудареву сотрудничество на взаимовыгодных условиях. Егор привык работать в условиях цивилизованной коммерции, поэтому очень удивился, когда в ответ на свои предложения услышал отборный мат и недвусмысленные угрозы. Молодой человек разозлился: на дворе давно не девяностые, бизнесмены научились решать проблемы без шума и пыли, а тут какой-то провинциальный нувориш кулаками размахивает. Егор поставил Дударева в известность о том, что не собирается больше иметь с ним дело, и спокойно продолжил работать, тем более что со стороны городской администрации, налоговой и прочих служб препятствий не возникло.

Когда дело уже набрало серьезные обороты, Егор вдруг исчез, а утром его нашли в бессознательном состоянии в подъезде одного из домов. Парень был жестоко избит неиз-

вестными. Врачи городской больницы обнадежили, что серьезных повреждений у него нет, жить будет. Правда, из-за сложного перелома правой руки может нарушиться подвижность пальцев, да и тяжелое сотрясение мозга иногда дает нежелательные последствия, но все это ерунда, главное на настоящем этапе – справиться с воспалением легких, которое парень заработал, пролежав ночь в холодном подъезде. Не укради нападавшие у него куртку, может, обошлось бы и без переохлаждения, а так...

– Кстати, именно из-за того, что Егора обчистили, ваша милиция отказала мне в возбуждении уголовного дела против Дударева. Следователь настаивает на версии случайного ограбления и делает вид, что ищет нападавших. Но я-то знаю, кому это было нужно.

– Ваша уверенность имеет веские основания?

– Веские, – усмехнулся он. – Я знаю Игоря как облупленного. Даже ради минутной прихоти Дударев не остановится ни перед чем, а тут – появление в его владениях серьезного конкурента. Только зря он думает, что сможет остановить меня. Во второй раз сломать себя я не дам. И за Егорку он мне ответит.

Я уже поняла, что у Юрия и Игоря старые счеты, но Ростов не торопился раскрывать свои секреты.

– К сожалению, в этом городе у меня практически нет связей, поэтому я и пытался воспользоваться тем, что попало под руку, услугами ваших друзей. Когда я приехал и понял,

что к чему, меня такое бешенство охватило, что, будь у меня возможность, сам бы порвал и Дударева, и его шестерок. Признаю, попытка найма ваших знакомых не была моей самой удачной идеей, просто в тот момент я плохо соображал, что делаю. Вид изуродованного сына, встреча со следователем... Я действительно поступил некрасиво с Васей и Люсей, приношу свои извинения. Так вы можете мне помочь? Как я понимаю, вы девушка не из робких, и у вас есть необходимые знакомства. Я хорошо оплачу ваши услуги. Кстати, что там говорила ваша приятельница об искоренении зла?

– Люся шутила, – ответила я, – но я подумаю, что можно для вас сделать. У меня действительно есть некоторые связи, и с ситуацией в городе я знакома не в пример лучше гостей города.

– Вы так легко согласились помочь мне потому, что пожалели бедного инвалида? – внимательно посмотрел он мне в глаза.

– Считайте, что это самоварный патриотизм. Не могу не постоять за честь города и не показать пришельцу, что у нас живут не только отморозки. Но я ничего не обещаю. Ждите моего звонка завтра, в это же время. Подтвердите мои подозрения: вы ведь не впервые в этом городе?

– Не впервые, – лаконично ответил он.

Мы распрощались, но домой я не поехала, путь мой лежал в редакцию местной газеты «Горовск сегодня». Антон Ярцев, корреспондент вышеназванной газеты, обладал потря-

сающей памятью, был в курсе древних и самых свежих городских скандалов. Связывали нас теплые дру– жеские отношения, Антон оказывал мне неоценимую помощь во всех вопросах, связанных с прессой, не требуя взамен ничего, кроме разве обеда в ближайшем к редакции кафе. Поэтому для своих корыстных целей я выбирала обеденное время. Я дождалась, когда Антон выскочит из дверей редакции, и призывно посигналила.

– Привет, – явно обрадовался он, – какими судьбами?

– Вот, ищу, кто может составить мне компанию. Кушать очень хочется, а одной в кафе идти скучно, да и нахалы пристают.

– Согласен победить всех нахалов одной левой за три корочки хлеба и компот, – мгновенно отреагировал он.

Зная, что тремя корочками от прожорливого журналиста мне не отделаться, я заказала для Антона гигантскую отбивную с гарниром, миску салата с помидорками черри и куриной грудкой и тарелочку пирожных к чаю. Для себя я попросила аналогичный салат и кофе. Есть не хотелось, но не будешь же смотреть человеку в рот, пока он утоляет голод, разговор завязать легче, если оба собеседника заняты одним делом.

Впрочем, опытный Антон не стал ждать, когда я начну завязывать разговор.

– Чего хотела? – поинтересовался он, пока мы ждали официанта с заказом.

– Скандальные подробности из жизни Игоря Дударева.

– Тебя заинтересовал господин Табуреткин?

– Очень заинтересовал, Антоша, очень! Ты даже не представляешь, насколько мне любопытны подробности его личной и общественной жизни.

– Дай подумать, – приступая к огромному куску мяса, попросил он, – что-то такое в голове крутится, а мысль поймать не могу. Но если в его биографии и есть темные пятна, они явно принадлежат прошлому. В последнее время этот тип если и шкодит, то удачно ускользает от ответственности. Знаешь, когда я ем, то у меня мозги атрофируются. А когда думаю, вкуса еды не чувствую. Давай договоримся так: сейчас я наслаждаюсь этой дивной отбивной и обществом элегантной дамы, а после обеда поговорю с Пахомычем; если наша газета и писала когда-нибудь об этом типе, то он обязательно вспомнит. Сведения нужны тебе срочно?

– Вчера, – вздохнула я.

Это только на первый взгляд могло показаться, что узнать скандальные подробности из жизни довольно известного жителя нашего города легко и быстро. Да, легко и быстро, если сведения свежие, а если нет? Приходится трясти профессионалов, подобных Антону, а через него – старых монстров вроде Пахомыча.

– Спроси, не замешан ли в каком-либо эпизоде Юрий Ростов, – попросила я напоследок.

Если эти двое хоть раз пересекались в прошлом, я быст-

ро приближусь к истине. Дело в том, что помочь наказать Дударева за избиение Егора Ростова – дело праведное, но довольно простое. Думаю, если привлечь толкового следователя или подбросить несколько улик, вопрос будет решен и виновные ответят по закону. Я не сыщик, сыскная работа как таковая меня не привлекает. Я вступаю в дело, когда правосудие ну никак не хочет выполнять свои прямые обязанности, а если дело легко решается с помощью простых сыскных действий, я не считаю необходимым свое в нем участие. Выполнять в точности заказ Ростова я тоже не собиралась – элементарно отмутузить негодяев слишком просто, а зачастую хорошая трепка ничему не учит. Напротив, если виновный бывает наказан физически, он автоматически переходит из разряда обвиняемых в разряд потерпевших. Поэтому я и хотела побольше узнать о самом Дудареве, а если повезет, и о старых счетах этих двоих. По моим расчетам, мужчины были ровесниками.

– Ровесниками, – пробормотала я вслух. – А что? Это идея. Народ совершенно походил с ума от ностальгии по молодости, поэтому проследить связи, которые существовали между людьми во времена детства золотого, проще пареной репы.

Я быстро добралась до дома, вышла в Интернет и набрала адрес известного тусовочного сайта. В поисковике ввела данные Игоря Дударева. Ну, ничего интересного, кроме сведений о годах учебы, компаниях, в которых он имел честь тру-

диться, узкого круга одноклассников. Пролистав странички с фотографиями и данными одноклассников Игоря, я обнаружила любопытную штуку: оказывается, Алевтина Дударева в далеком прошлом носила фамилию Трифонова и училась в одном классе со своим будущим супругом. Миленько! Редчайший случай, когда нежный школьный роман имеет столь банальное продолжение. А наш антигерой-то – романтик!

Я поискала наудачу на странице сайта Юрия, но ничего, похожего на него, не нашла. Удивительно, как эта чума не коснулась моего нового знакомого? Продвинутый инвалид, по моему обывательскому мнению, вполне мог заметить недоступные ему радости жизни, часами сидя во Всемирной сети. Не особо надеясь на удачу, я набрала интересные меня фамилии в различных поисковиках. Ничего. Ничего, что могло бы как-то прояснить ситуацию. Остается надежда на старую акулу пера Пахомыча и на деда. Аристарх Владиленович не просто проводит ночи в клубах и игорных заведениях, он завязывает в них разносторонние и очень нужные для меня знакомства. Информацию о жизни бомонда нашего города дед предоставляет мне богатейшую.

«Мы же в ссоре! – хлопнула я себя ладонью по лбу. – Со всем забыла».

Теперь придется не просто идти на поклон, а хитрить и подхалимничать. Дед, конечно, поймет, что я нуждаюсь в его помощи, начнет ломаться, вредничать. Ну и ладно, не впер-

вой. У меня существовала целая система приемов, смягчающих любящее сердце деда. Саксофон, домашняя кухня и льстивые речи всегда срабатывали в моем незатейливом подхалимаже.

С чего начнем? С самого противного, приготовления обеда. Обычно я отделялась киданием на сковородку или в кастрюльку полуфабрикатов. Дед тихо стонал – его честь гурмана была поругана, – но ел. Постоянно питаться в ресторане неудобно, пускать кухарку в дом не хотелось, вот ему и приходилось довольствоваться моими робкими кулинарными потугами. Но сегодня полуфабрикаты спасти меня не могли. Что же, пусть выручает Алина. Кажется, она какое-то время увлекалась кулинарией, вот пусть и отдувается.

Подругу я нашла в конюшне. Она терпеливо раздирала массажной расческой пряди гривы коня, заплетала их в косички и скрепляла каждую из них яркой резинкой. Выслушав мою просьбу, Алина не стала ломаться, а кротко ответила:

– Конечно, Поляночка. Мы с Марсиком и так злоупотребляем вашим гостеприимством, поэтому я согласна поработать кухаркой за крышу над головой и охапку сена. Прости, что я сразу не предложила свои услуги в качестве прислуги.

– Совесть у тебя есть? – вскипела я. – Быстро смени тон и дуй на кухню. А будешь строить из себя бедную родственницу, сдам вас обоих на колбасу. Или на бастурму, что там из коней и худых подруг лучше получается?

– Ты все перепутала, – фыркнула подруга, – бастурму делают из говядины, а кони просто участвуют в ее изготовлении. Кусок мяса густо обмазывают специями и заворачивают в хлопчатобумажную ткань. Потом привязывают этот сверток к седлу и скачут пару недель. Мясо вялится на солнце, отбивается о бока лошади, просаливается лошадиным потом. Остается только отвязать сверток, нарезать и есть.

– Никогда больше не попробую этот деликатес, – сморщила я нос, – не хочу мясо с лошадиным потом.

– Так это раньше так делали, сейчас технология другая, потому что лошадей не хватает. Вместо лошадиного пота добавляют обычную соль. Тоже очень вкусно. Ой, а это кто?

Я обернулась. Возле калитки стоял мужчина поистине мультяшной красоты. В диснеевских мультиках обычно так выглядит принц, обычный или расколдованный. Прямые пепельные волосы свободно обрамляли гордый скандинавский лик, всю эту красоту дополняли широкие плечи, узкие бедра, хороший рост. Пропала Алина. Кстати, я действительно не знаю, кто это.

– Извините, я звонил, но мне никто не ответил. Я услышал голоса, толкнул калитку, она оказалась незаперта. Я ветеринар, меня вызывали по этому адресу для осмотра коня. Коня я вижу, кто хозяин?

– Я хозяйка, – отодвинула меня локтем Алина, – я спасла Марсика практически из-под ножа мясника, и мне необходима консультация по содержанию и воспитанию лошадки.

Полина, ты можешь идти, я сама поговорю с...

– Вениамин Томин, – представился «принц».

– С Вениамином Томиным, – по-королевски наклонила голову Алина.

Как быстро эта прощелыга преобразается из бедной кухарки в принцессу крови! Жаль, ужин придется готовить самой. Я вышла в Интернет, нашла сайт для рачительных домохозяек, выбрала рецепт, для воплощения в жизнь которого у меня были необходимые ингредиенты, распечатала страничку. И чего домашние тетки так упорствуют против этого чуда нашего века? Даже такой кулинарный дилетант, как я, в состоянии приготовить сносную еду по пошаговой инструкции с фотографиями, скачанной из Интернета.

Так, подбадривая и уговаривая себя, я поплелась на кухню, разморозила курицу, нарезала апельсины, тонко настрогала корень имбиря, кинула в блендер горсть клюквы. Обычные мужчины не очень-то приветствуют кулинарные эксперименты, но мой Аристарх – гурман и истинный аристократ и заурядной отбивной предпочтет что-нибудь экстравагантное. В принципе для придания шарма заурядной курице хватило бы и одного из этих ингредиентов, но я решила, что чем больше всего вкусенького напихать в мясо, тем лучше. Хорошего много не бывает. Это пусть опытные хозяйки умничают, а по мне и так сойдет. Рецепт был простой, и приготовление блюда не заняло много времени, я оставила курицу в духовке и отправилась реализовывать вторую часть плана.

Хотя дед и не особо афишировал свои музыкальные пристрастия, но он обожал саксофон. Я достала инструмент из футляра, открыла дверь своей спальни, чтобы звук свободно лился по дому, и начала его любимую импровизацию на тему ранних произведений Клода Дебюсси. Не прошло и пяти минут, как Ариша возник в дверях, прошел в комнату, сел в кресло возле окна, положив локоть на подлокотник и прикрыв ладонью высокий лоб. Сейчас дедуля очень напоминал мне Чехова, не хватало только пенсне и шейного платка. Какой он все-таки у меня красивый!

– Божественно, – вынес он вердикт, когда я закончила, – божественно. Что мне нравится, Полетт, так это то, что ты редко соблазняешься современными незрелыми пьесками, а предпочитаешь для своих импровизаций проверенную веками классику. Сыграй еще, пожалуйста.

Я с удовольствием выполнила его просьбу, отметив, что Ариша, кажется, на меня уже не сердится.

– Божественно, – повторил он, когда я закончила, – и музыка божественна, и запахи. Чем это у нас пахнет?

– Курочка с кружочкам апельсинов под шкуркой, фаршированная ломтиками имбиря и миндалем под клюквенным соусом.

– Полетт? – высоко вздернул брови дед.

– Все только ради любви к тебе, – побожилась я.

– Сомневаюсь, но принимаю, очень соблазн велик, – сдался дед.

Мы не стали дожидаться, когда Алина закончит флиртовать с ветеринаром Вениамином, а с удовольствием расправились с основной частью курицы. Если не обращать внимания на то, что я забыла ее посолить и переборщила с имбирем, было вполне съедобно. По крайней мере, дед оценил мой подвиг и после окончания трапезы поинтересовался:

– А теперь признавайся, ради чего вся эта заварушка. Никогда не поверю, что в тебе проснулась кухарка.

– И не верь, – согласилась я, – зачем тебе это надо, верить во всякую чепуху? Не маленький уже. Лучше скажи, что ты знаешь об Игоре Дудареве? Меня интересуют скандалы, судимости и прочий компромат.

– Ну, слава богу, – шумно выдохнул дед, – а то я уже подумал, что с тобой не все в порядке. Тебя интересует что-то конкретно?

– Ничего конкретного, все, что нароешь. И узнай, не был ли он связан каким-либо образом с неким Юрием Ростовым.

Ариша, обрадованный возникновением повода провести эту ночь в клубе, отправился отдохнуть после обеда, а я решила проведать Вениамина с Алиной. Во дворе я их не нашла, Марсик понуро стоял в своем стойле. Увидев меня, он коротко заржал. Я протянула ему захваченный из дома ломтик хлеба с солью, конь с удовольствием взял его из моих рук.

– Что, надоели сладкие мюсли? – спросила я. – Нормальной еды хочется? Ничего, надеюсь, ветеринар прочистил

мозги твоей хозяйке, и скоро у тебя будет нормальная лошадиная еда.

Я не ошиблась. Минут через пятнадцать эта парочка вернулась с целым мешком овса.

– Представляешь, – заверещала Алина, – Марсика нельзя было долго кормить мюсли. Поэтому я купила ему овса. Овес ему можно. Веня говорит, что у Марсика все в порядке с зубами и вообще с организмом. Правда, Веня хочет взять кое-какие анализы и провести более тщательное обследование, но на первый взгляд конь абсолютно здоров. И еще Веня говорит, что с ним жестоко обращались, есть несколько гематом от ударов кнутом, и рот порван трензелем, но это совершенно не опасно для здоровья, заботливый уход и бережное обращение – вот что ему нужно. Но с ведьмой этой я поквиताюсь. Это ведь она его кнутом, и рот она ему порвала. Поможешь, Полина?

Попроси она меня об этом сутками раньше, я вряд ли пошла бы ей навстречу, но сейчас я чувствовала, что скоро мне придется столкнуться с этой семейкой. И не только с Игорем Дударевым, но и, вполне возможно, с его стервозной женой.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я.

Глава 3

На следующий день я насилу дождалась пробуждения Ариши. Вернулся он под утро, но моей совести хватило только до десяти утра, больше ждать я не могла, наскоро сварила кофе, выжала сок из нескольких апельсинов и вломилась в его спальню с подносом в руках и полотенцем на сгибе локтя. Не хватало розы в зубах, но зимней оранжереей я еще не обзавелась, а ехать в город за цветком было лень. Да и Аришу можно было упустить, кто знает, какие дела могут возникнуть у него с утра в городе?

– Полетт, мон ами, – простонал дед, – имей уважение к старости. Я не одет, не умыт, помят. Дай мне поспать еще часок и полчаса на приведение себя в порядок.

– Полтора часа? – возмутилась я. – А еще говорят, что старики не умеют долго валяться в постели, что встают с птичками, на рассвете. В нашей семье все не так, как у людей!

– Я старик? – присел Ариша в постели. – Как ты сказала?

– Старик, – нахально подтвердила я, – лежишь, стонешь, не видишь, какое роскошное утро за окном, не радуешься аромату свежесваренного кофе. Старик!

– Все, проняла, – сдался он, – давай сюда поднос, садись рядом и слушай. Ты же за информацией ко мне вломилась, а не для того, чтобы сделать мне приятное?

Я не стала спорить, уселась на банкетку возле кровати и

приготовилась слушать. Ариша поведал, что на данный момент на Дударева практически нет компромата. Поговаривают, что дела свои он решает не только за письменным столом, но и с помощью угроз и прямого насилия. Утверждают, что его не в меру молодящаяся супруга не прочь изменить любимому с первым встречным юным балбесом, что дочка у них растет еще та: и отца, и мать, не особо раздумывая, продаст за три евро. Но все это только слова, да и не удивишь обывателя этим набором пакостей, свойственных многим семьям с достатком. А вот в прошлом, когда Дударев еще не умел выпутываться из передраг и не имел серьезных связей, у него была судимость. Юный Дударев получил условный срок за мелкую кражу.

– Дедулечка, узнай у дяди Сережи подробности, пожалуйста. Тебе он поможет без лишних вопросов, а меня достанет нравоучениями и тонкими вопросами по сути дела.

– Ты хочешь, чтобы полковник ФСБ поднял старые архивы ради прихоти дочки своего погибшего друга?

– Очень хочу.

– Тогда спрошу. Ты посветишь меня в суть своего нового дела?

– Конечно. Только я пока сама не разобралась, в чем его суть и возьмусь ли я за него. Потерпи немного, как только я узнаю, что за человек заказчик и действительно ли его обидчик заслуживает кары небесной, немедленно введу тебя в курс дела. Кстати, ты ничего не рассказал мне про Юрия Ро-

стова.

– А про него нечего рассказывать. Предприниматель из Подмосковья, приехал в город вслед за сыном для улаживания формальностей по открытию сетевого магазина. Сына хорошо потрепали какие-то негодяи, вот папаша и примчался завершить дело. Кстати, сам Юрий передвигается с помощью инвалидной коляски. Но это не мешает ему жить почти независимо и приумножать свое состояние. Сильная личность! Да, не знаю, пригодится тебе эта информация или нет, но завтра Дударев встречается с одним тузом из налоговой службы в ресторане «Морской конек» в четырнадцать тридцать. Тематика тет-а-тета не разглашается, но время я сообщил тебе точное.

Ничего нового он мне не сказал. Жаль. Мне все-таки хотелось бы узнать что-нибудь о более раннем знакомстве Юрия с нашим городом. Может, получится у Антона? Я набрала номер его мобильного и, не теряя времени на приветствие, потребовала отчета.

– Приезжай, – предложил он, – Пахомыч нарыл гору материала, сама с ним поговоришь. И захвати старику чего-нибудь сладкого, спиртное он не употребляет, а за тортик со взбитыми сливками родину продаст. Или в худшем случае навеки станет верным твоим рабом.

Я заскочила в ближайший супермаркет, купила аппетитную белоснежную горку с яркими клубничками в желе и помчалась в редакцию. Пропуск у меня никто не потребовал,

Антон встретил меня в коридоре и проводил в кабинет, где трудился Пахомыч. Вот что рассказал мне этот корифей местечковой прессы.

Собственно, история с судимостью Дударева не имела особого значения. Обычная ситуация: ребята подгуляли, деньги закончились, приключений захотелось. Игорь с приятелями, недолго думая, зажали в подворотне припозднившегося прохожего и обчистили его карманы. Но в этот раз им не повезло: совершенно случайно мимо проезжал наряд милиции, грабителей задержали. Впрочем, Игоря арест не особенно напугал, у его родителей имелись кое-какие связи, и он надеялся, что скоро эта история забудется, как страшный сон. Зря надеялся. Ему не повезло дважды, ограбленный работал в прокуратуре города. Хорошо хоть, что срок Дударев получил условный. Как организатор ограбления, он считал ниже своего достоинства самолично проверять карманы жертвы и скромно стоял в тени.

– В сущности, ничего интересного, за исключением одного неприятного вывода касательно Дударева: он малодушно спрятался за спины своих приятелей и, по сути, подставил их. Все, кроме него, получили реальные сроки, – закончил Пахомыч, – интереснее другое. Смотри, я нашел для тебя две статьи. Прочитай и, если нужно, сделай ксерокопии, я не в ладах с техникой, а газеты следует вернуть в подшивку. События, описываемые в них, произошли двумя годами раньше, когда Дударев еще учился в школе.

Я поблагодарила, села на свободный стул и погрузилась в чтение. Газеты были двадцатипятилетней давности, датировались одним месяцем, но эти экземпляры хранились в подшивке и пожелтели совсем немного. Первая статья, на которую указал мне старый журналист, занимала почти страницу и называлась «Проданная совесть». Вообще-то главным героем ее был не Игорь Дударев, а другой парень, Юра Бобров. Бобров воплощал собой все пороки современности: воришка, хулиган, мерзавец и насильник. Автор статьи негодовал по поводу, что этот уголовник до сих пор находится на свободе, хотя подозрения, которые над ним висят, весьма тяжкие: ограбление кабинета директора школы и изнасилование Алевтины Трифоновой, его одноклассницы. Автор не поленился взять интервью у парня, называющего себя женихом Алевтины. Страдалец резко осудил поступок Боброва, понадеялся, что правосудие обойдется с насильником со всей возможной суровостью, и пообещал, что, несмотря на то что его невеста теперь по всем законам нравственности считается опозоренной и оба они не достигли совершеннолетия, он никогда не оскорбит ее упреком и согласен взять в жены, когда обоим исполнится восемнадцать. Жениха, как и следовало ожидать, звали Игорь Дударев. Автор статьи негодовал на медлительность органов правосудия и вопрошал: доколе монстры, подобные Боброву, будут топтать Землю Русскую?

Вторая статья, названная хлестко и жестко «Трус», была не в пример короче первой, содержала минимум информа-

ции и море разглагольствований. О Дудареве и его будущей опозоренной супруге упоминалось лишь вскользь, а о Боброве сообщалось, что тот испугался расплаты за свои злодеяния и выбросился из окна своей квартиры. Досталось и работникам следственного управления, которые отпустили этого монстра под подписку о невыезде. По словам врачей, в Боброве еще теплилась жизнь, по словам журналиста, он не имел права даже на эти крохи.

Я бросила взгляд на фамилию автора статей – Рашид Хихматулин. Очень знакомое имя. Где-то я его слышала.

– Вы не дадите сведения о своем коллеге? – обратилась я к работающему рядом Пахомычу.

– Вы о Хихматулине? Охотно. Сейчас он главный редактор одной газетенки нашего города. Так себе газетка. Рейтинг ее невысокий, пытается существовать на дутых скандалах и сплетнях. Как вам статья?

– Сама не пойму, – призналась я, – с одной стороны, гнев автора статьи праведный и справедливый, с другой – почему-то меня не трогает подвиг Дударева, не отказавшегося от обещанной возлюбленной. Что-то тут не так.

Возникла пауза. Пахомыч грыз кончик карандаша и не торопился поддержать мои сомнения.

– Скажите, у вас настолько великолепная память? Вы только по названной вам фамилии оперативно нашли статью в газете, которой больше двух десятилетий, – спросила я.

– На память не жалуюсь. А статью я эту помню. Я тогда

работал в одной редакции с Хихматулиным и здорово сцепился с ним из-за этой статьи.

– Вы не согласны с мнением автора?

– Автор погнался за дешевой сенсацией, не разобравшись в ситуации. Не все так просто в трактовке тех событий.

– Можете рассказать подробнее?

– Могу. Но не сейчас, завтра сдавать материал, а у меня конь не валялся. Никак не отделаюсь от привычки делать все в последний момент. Нет, если бы я знал, что мне предстоит разговор со столь очаровательной девушкой, я, конечно же, написал бы статью заранее, но предвидеть будущее, при всем моем желании, никак не получается. Так что, извините, смогу уделить вам внимание только завтра, во второй половине дня.

– А если коротко?

– Коротко неинтересно. История уж больно запутанная, да и за долгие годы на этой работе меня смог удержать только талант, его сестра позорно дезертировала.

– Вы о краткости? – улыбнулась я.

– О ней, родимой. Редакторы всегда требовали из крошечного события сотворить поэму, вот и наловчился. Позвольте воспользоваться ситуацией и попросить номер вашего телефона. Как освобожусь, сразу вам позвоню.

Мы обменялись номерами телефонов и распрощались, весьма довольные знакомством.

– Забыла спросить, – уже от дверей обернулась я, – вы ко-

гда-нибудь слышали что-нибудь о Юрии Ростове? Он ровесник Дударева и как-то с ним пересекался.

– Ростов, Ростов, – потер лоб Пахомыч, – не припомню. Такая простая, запоминающаяся фамилия... Нет, ничего не могу сказать. Если бы с ней было связано какое-нибудь мало-мальски заметное событие, тогда вспомнил бы. Извините, что не оправдал ваши ожидания.

– Что вы, что вы, – отмахнулась я, – вы для меня просто находка. А о Ростове я так спросила, на всякий случай.

Ничего удивительного в том, что Юрия не знали в нашем городе, я не находила. Чужак – он и есть чужак. Приехал, уедет, о нем забудут. А вот информация, представленная в статье, меня заинтриговала. Судя по словам автора, Дударев во времена своей юности, а ему тогда было где-то в районе семнадцати лет, был человеком честным, благородным, не чуждым рыцарских порывов. Юрий Ростов выставляет его жестоким и циничным хамом. Ариша тоже не может сказать об этом бизнесмене ничего позитивного. История с Марсиком не делает чести ни его супруге, ни самому Дудареву. Где правда? С чужих слов составить портрет человека сложно, а я не возьмусь помогать Ростову, пока не буду иметь твердое убеждение в том, что Дударев достоин хорошей трепки. Вывод: я должна пообщаться с ним сама.

Я забежала к Антону, потребовала, чтобы он немедленно показал мне фото Дударева, а у него на жестком диске имелись цифровые фотографии практически всех мало-мальски

известных людей города, внимательно всмотрелась в черты лица своей жертвы. Запомнить его было легко: буйные кудри, легкое, почти неуловимое косоглазие, нос картошкой. Для выявления сущности этого типа следует спровоцировать его на конфликт, только в этом случае он проявит свое истинное «я». Какой простейший конфликт могла я спровоцировать? Автомобильная подстава? Чашка кофе на пиджак? Шпилькой по большому пальцу ноги? Сымпровизируем по обстоятельствам. Не буду же я изобретать конфликт, а потом ждать, когда для его воплощения в жизнь создастся благоприятная обстановка! Главное – сотворить фон. А фон мы сотворим...

Дело в том, что внешность моя не представляет собой ничего особенного. Обычная серая мышка: средние черты лица, средний цвет волос, среднее телосложение. Когда однажды меня назвали мечтой фотохудожника, я не поверила, а потом узнала, что бесцветная внешность модели – находка для фотографа. Лицо, на котором можно нарисовать все, что угодно, – редкость. Потом я сама научилась с помощью макияжа творить, в зависимости от настроения и ситуации, любой облик – от ослепительной красавицы до дурнушки. Скорее всего во мне погибла не модель, а гениальная гримерша. По крайней мере, менять внешность мне нравилось гораздо больше, чем скалиться в фотообъектив.

Для встречи с Дударевым требовался типаж «дурнушка». Если я перейду ему дорогу в образе красавицы, в нем мо-

жет проснуться мужская галантность. До встречи с Ростовым оставались считанные часы, а я еще не приняла решения: при-му я его предложение или откажусь от дела. Ситуация оказа-лась сложнее, чем мне показалось в самом начале, для пол-ного ее прояснения требовался не один день, поэтому оста-валось полагаться только на интуицию.

Я вернулась домой, быстренько навела беспорядок в своей внешности: сивенький лохматый паричок на голову, очочки в круглой металлической оправе, накладка под верхнюю гу-бу сделали меня похожей на обезьянку-изгоя. Одежда под-ходящего дизайна у меня тоже имелась: старенькая болонье-вая курточка сизого оттенка, неопределенного колера юбка, присборенная на резинку, суконные сапожки на «молнии». Кажется, подобным образом не наряжались в наше время даже самые жалкие слои населения, но на бомжиху я была не похожа – все чистенькое, юбка тщательно отглажена, лох-матульки отчасти прикрыты беретом из белого кроличьего пуха. Красотка! По представлению обывателя, так выглядит «синий чулок» из исторической городской библиотеки.

Теперь – срочно ловить Дударева. Когда, по данным деда, у него сегодня встреча? В четырнадцать тридцать? Деловые обеды больше часа не длятся, у меня есть целый час, чтобы доехать до «Морского конька» и успеть что-нибудь предпри-нять. По пути я пыталась придумать мало-мальски пригод-ную приманку, на которую мог бы клюнуть Дударев, но моз-ги сонно шевелились под кроличьим пухом берета и никак

не хотели работать как следует. Видимо, берет им мешал.

Возле ресторана обозначились две стоянки, одна для служебного автотранспорта, другая — для гостевого. Ресторан был слишком дорогим для того, чтобы в обеденное время в нем был аншлаг, на гостевой стоянке скромно притулились всего три автомобиля. Производное отечественного автотрома отменяем сразу, остаются два симпатичных капиталиста, японец и немец. Я, не особо скрываясь, подошла к первой машине и что есть силы пнула ногой по колесу. Автомобиль истошно заверещал, призывая на помощь хозяина. Едва я успела отойти от машины, как из дверей ресторана показался молодой холеный мужчина с наглыми глазами. Не мой клиент. Он отключил сигнализацию, обошел автомобиль, осмотрелся по сторонам и вернулся в ресторан. Стоило ему скрыться, я произвела ту же экзекуцию над второй машиной. На этот раз ей на помощь поспешил сам Дударев. Все ясно, серебристый «Форд» принадлежал ему.

Я подождала несколько минут, потом вернулась к машинам, достала складной ножик и проткнула переднее левое колесо «Форда». Никогда раньше не занималась подобными диверсиями! В кино все так легко и просто — подойти, ткнуть, как шарик лопнуть. В действительности же пришлось изрядно потрудиться и вымазать руки. Хорошо, что сигнализация на машине была установлена не самая чуткая и раньше времени меня не выдала. Наверное, стоит приобрести для подобных случаев острое шило. Или заточку. Вот

будет забавно, если меня примется обыскивать милиция, что в условиях постоянного экстрима, который я ищу на свою голову, весьма вероятно, и найдет заточку! Впрочем, я ее еще не завела. И сейчас стоит отойти от машины, чтобы раньше времени не нарваться на неприятности.

Минут через десять из ресторана вышли молодой мужчина и Дударев. Опущу их эмоции и переживания по поводу испорченной крыши, для меня оказалось важным лишь то, что Дударев отклонил любезное предложение налогового подбросить его до дома и вызвал такси. Самому достать запаску и поменять колесо ему даже в голову не пришло, скорее всего он рассчитывал вернуться позже или прислать автослесаря. До приезда такси у меня было совсем немного времени. Дударев стоял один, случайных прохожих было немного, и они торопились по своим делам. Сейчас подойду и начну уговаривать вступить в какую-нибудь секту. Хотя подобные персонажи не вызывают негативную реакцию только у полных простофилей. Лучше пройду мимо, сделаю вид, что оступилась, упаду и посмотрю, предложит ли он помощь дурнушке или равнодушно отвернется. Дальше – по обстоятельствам.

Я уже поравнялась с Игорем, когда за моей спиной резко тормознула и остановилась желтая «Волга». Такси! Я отреагировала мгновенно – повернулась и протянула руку к дверце машины.

– Это я заказал такси, – попытались отстранить меня сза-

ди.

– Чем докажешь? – активно нарывалась я. – Такси не купленное, а ко мне водопроводчик должен прийти, а дома нет никого, он придет, постоит под дверью, и жди его потом неделю.

Дударев больно вцепился мне в плечо и дернул, я словно срослась с ручкой «Волги».

– Ты не поняла, тетка? Отвали, пока я тебе внешность не попортил. Хотя хуже, чем есть, не станет.

– Сам отваливай, – насмерть стояла я, – мужчина должен уступать даме.

– Ну, смотри, дама, я предупредил, – прошептал он мне на ухо.

Я задохнулась от резкой боли под ребрами. Ударил он меня профессионально и подло, со стороны было незаметно, и способность к сопротивлению, даже словесному, я на время потеряла. Согнувшись в три погибели, я медленно осела на асфальт спиной к машине, Дударев обошел меня и уселся в такси. Потом опять хлопнула дверца, его рука снова оказалась у меня на плече, а изменившийся от исчезнувшей агрессии голос спросил:

– Извините, вам плохо?

Я постаралась несколько раз вздохнуть, с трудом, но это у меня получилось. Видимо, не все человеческое ему чуждо, раз в нем заговорила совесть. А все-таки гад. Гад в это время присел рядом со мной – это оказался не Дударев, а симпа-

тичный парень примерно моего возраста.

– Что с вами? – повторил парень.

– А вы кто? – уточнила я.

– Таксист.

– Этот гад мне под дых дал. Больно очень, – пожаловалась я.

– Вы его знаете?

– Упаси боже. Просто первая в такси залезть хотела, а он с этим не согласился. Таким вот образом.

– Сейчас, подождите, – попросил он.

Я услышала за своей спиной возню, пыхтение, и рядом со мной приземлился Дударев. Ситуация переставала быть томной. Кажется, водитель решил за меня заступиться. Парень бережно приподнял меня и запихнул на заднее сиденье.

– Ты чего, водила, совсем нюх потерял? – не сдавал позиций Дударев. – Ты сам-то понимаешь, на кого руку поднял?

– Да все вы одним миром мазаны, – отмахнулся парень, поворачивая ключ в замке зажигания, – со мной-то драться побоялся, видишь, что не сладишь. Бывай.

Он тронулся с места. Я обернулась и увидела, что, еще сидя на асфальте, Дударев записывает номер такси.

– Он на работу сообщит, влетит тебе, – констатировала я.

– Ничего, отмажемся, – не испугался водитель, – сама-то как? Отдышалась? Куда тебя?

Только сейчас я заметила, что уехала довольно далеко от ресторана, а следовательно, и от своего «Мини-Купера».

– Останови здесь, – попросила я.

– Стоило драться из-за пары кварталов, – вздохнул парень, – ладно, выходи. С тебя пятьдесят рублей.

Холодея, я залезла в кошелек. Сто евро и золотая кредитка. Да, влипла. Сейчас он решит, что я в процессе потасовки обчистила Дударева, и сдаст меня в милицию. Хорошо, что не успела приобрести заточку.

– У меня, это, – пыталась придумать причину своей неплатежеспособности я, – кошелек, кажется, выпал.

– Понятно, – усмехнулся водитель, – денег нет. Да ты убери кошелек, мне в зеркало все видно. Ладно, как пострадавшей от мужской подлости, прощаю.

– Нет, я так не могу, – заупрямилась я, – давай номер телефона или адрес, я занесу.

– Ишь, какая быстрая, – расхохотался он, – не успели познакомиться, она уже и номерок просит. Держи визитку нашего таксопарка, раз ты такая ответственная, спросишь Сергея Дорофеева. Это я. Зовут меня так.

– Да что ты говоришь, – не удержалась от сарказма я, – никогда бы не подумала. Тебе больше подошло бы имя Зигфрид. Или Сигизмунд.

Пешком я вернулась к ресторану. Дударева уже не было, мой «Мини-Купер» верно ждал меня за углом. Делаем вывод: Дударев мне не понравился. Удар был подлый и болезненный. Конечно, я была не права, но вполне хватило бы пары недобрых слов в мой адрес. И этот человек из благород-

ства не бросил опозоренную невесту? Что это, большая и чистая любовь или игра?

Я, как смогла, прямо в машине привела себя в порядок, поменяла куртку на шубку, сняла юбку и осталась в предусмотрительно надетых прямо под нее джинсах. Времени для легкого макияжа уже не хватало, я позвонила Ростову и выехала к месту встречи. Он ждал меня в припаркованной возле кинотеатра машине. Как обычно, был один. Интересно, как ему удастся справляться с посадкой в машину и выходом из нее? Неужели ему всегда кто-то помогает?

– Ну, удалось что-нибудь узнать? – усмехнулся он, когда я села на пассажирское сиденье.

– О вас нет, разумеется, – не стала темнить я, – да и о самом Дудареве разведка особо ценных сведений не раскопала.

– Ваше решение?

– Он мне несимпатичен, – не ответила я прямо, – и теперь у меня к нему есть свой маленький счет.

– То есть? – продолжал нажимать он.

– Я берусь за ваше дело. Но с одним условием. Вы не будете диктовать мне способы наказания ваших обидчиков. А ведь их больше, чем двое, и вас не интересуют исполнители, вы хотите добраться до заказчиков, не так ли?

– Признаться, я и сам думал, что отпинать их в темном углу – слишком мягко и примитивно. Просто я ограничен в своих возможностях. Нет, я не имею в виду свою инвалид-

ность, – поймал он мой взгляд, – я говорю о связях, информированности, времени. Вот времени у меня катастрофически не хватает. А инвалидность... я привык не замечать ее. Если у тебя есть мощный стимул жить и процветать – неподвижные ноги не помеха.

– Вы понимаете, что действовать вслепую я не могу, – продолжала я гнуть свою линию, – поэтому мне нужна ваша откровенность.

– Зачем? Все предельно ясно, Дударев приказал покалечить моего сына. И он должен быть наказан, и не только за это. У меня к нему старые счеты. Другие, а я попрошу вас сделать кое-что еще для нескольких моих знакомых, тоже должны будут получить свое. Но на них я буду указывать вам поочередно, и ими вы займетесь в первую очередь.

– Другие? Вы имеете в виду тех, кто непосредственно избивал Егора?

– Нет, я же сказал, что для меня не так уж важно добраться до исполнителей.

– Не понимаю. Вы дали мне понять, что с Егором счеты сводил один Дударев, а теперь оказывается, что не только он?

– Да, Полина, кажется, вас не проведешь, – вздохнул он, – мне не хотелось посвящать вас в одну старую историю, но, видно, придется. Только не думайте, что вызвали меня на откровенность своим серьезным видом и наводящими вопросами. Я за прошедшие сутки тоже не терял времени даром и многое о вас узнал. Вы, как оказалось, известная личность

в городе. Но как реальное лицо вас почти никто не знает. В основном о вашей деятельности ходят легенды. Очень занятные легенды. Поэтому я соглашусь с вашим условием: я не буду диктовать вам способы наказания этих людей. Эту сторону вопроса вы берете на себя.

– Так что относительно истинных мотивов вашего ко мне обращения? – не стала комментировать я его откровение.

– Когда-то в этом городке убили моего друга. А перед этим уничтожили морально, раздавили, просто задержали перед его глазами черную штору. Организатором травли был Дударев, остальные только помогали добить его. Тогда я был другим и просто уехал из города. Постарался забыть, потому что простить не мог. И вдруг – эта история с Егором. Я спать перестал. Мне кошмары каждую ночь снятся. Я работать нормально не могу, у меня совещание или встреча с партнерами, а перед глазами – кадры той забытой истории. Представляете, из-за этого провалил встречу с зарубежными партнерами. Вернее, они так и не стали моими партнерами. А ведь они уже были готовы начать закупать мою мебель, коллекция из натуральных материалов их просто в восторг привела! Чего-то разнервничался, сорвался, накричал в их присутствии на секретаря, перепутал все данные. А когда узнал, что Егорку избили по приказу Дударева... После того, как из-за него погиб Юрка.

– Бобров? – вырвалось у меня.

– А вы неплохо подготовились, – искренне удивился он, –

неужели смогли раскопать эту старую историю?

– Только один взгляд на нее, – не стала напускать тумана я, – мне удалось найти пару газетных статей о Боброве и Дудареве.

– Да уж, Рашидка постарался. – Лицо Юрия исказилось гримасой боли. – Игорь у него – просто Айвенго. Белого коня не хватает.

– В яблоках, – машинально добавила я.

– Что вы сказали? – удивился он.

– Это я так, о своем. Ваш Дударев, кажется, ухитрился перессориться со всем, что движется. У моей подруги к нему тоже есть претензии. Вернее, не к нему, а к его жене.

– К Алке?

– Вы и ее знаете?

– Конечно. И к этой даме у меня отдельный счет.

– С кого начнем?

– Бичевание?

– Нет, информирование.

– Ситуация с Егором ясна, поэтому начнем с Юрки, – решил Ростов, – вы должны знать человека, которого эти ничтожества довели до самоубийства.

– Ваш Юрка был настолько замечательным человеком?

– Юрка был заурядным человеком. Слишком мягким и доверчивым для своего окружения.

Глава 4

По меркам того времени, семья Бобровых считалась вполне благополучной. Отец трудился на заводе, считался хорошим мастером, мама работала медсестрой в травматологическом отделении областной больницы. Кроме того, она была одной из лучших массажисток города. Для того чтобы попасть к ней на стол, надо было записываться за месяц. Естественно, Юркина мама подрабатывала на дому, и эти домашние сеансы существенно укрепляли семейный бюджет. Несмотря на жесткий график работы, женщина успевала максимально отдавать себя сыну. Одет Юрочка был с иголочки, не слишком модно, но добротно. Для физического развития посещал бассейн, для духовного роста – музыкальную школу по классу гитары, для умственного – шахматный кружок при школе. Юру не баловали, но все, что требовалось для полезного проведения времени, у него было: горный велосипед, фотоаппарат «Киев», кассетный магнитофон «Романтик». Единственный сын все-таки.

Отец тоже иногда занимался воспитанием сына: время от времени требовал дневник и проверял отметки. Воспитательный зуд напал на него в момент жуткого похмелья и, соответственно, прескверного настроения, другого повода сорваться на ком-нибудь он придумать не мог и всегда надеялся, что в дневнике сына отыщется хоть одна троечка. Но

Юра учился без троек, что в результате еще больше бесило его отца. Поэтому попадало сыну за четверки.

— Я за тебя жизнью рискую, — бил себя в грудь кулаком папаша, — а ты, свинья, позоришь фамилию. Как мне товарищам в глаза смотреть? Как на улице с учителями встречаться? У-у, дармоед. Пожрать-то любишь, а работать в семье только папка должен.

Жизнью глава семейства, конечно, не рисковал, а вот свободой — точно. Как и половина завода, он пополнял семейный бюджет с помощью нехитрых манипуляций. Манипуляции состояли в перекидывании через забор завода карбюраторов, по ту сторону в это время находился напарник, он и ловил драгоценные железки. Дальше они передавались по конвейеру перекупщику и шли на рынок. Больше всех рисковал, конечно, тот, кто доставлял карбюраторы за территорию завода, поэтому и процент от выручки ему шел вполне заслуженный. По поводу этого «левака» в семье постоянно были ссоры. Мама пыталась убедить папу, что им вполне хватает легальных доходов (с ее полулегальным массажем), папа же не мог позволить, чтобы жена зарабатывала больше его. Это унижало его человеческое достоинство.

Благодаря усилиям мамы и страху перед отцом Юра рос благополучным мальчиком: открытым, доброжелательным, развитым и неглупым. В школе к нему относились нейтрально-хорошо, во дворе не задирали, шпану он не раздражал, и она к нему не липла. Такое мирное существование продол-

жалось вплоть до выпускного, десятого, класса, когда у них появился новенький, Игорь Дударев.

– Кто назовет меня Игорем, получит в челюсть, – сразу предупредил новенький, – зовите меня просто и скромно: Гарри.

Гарри выделялся не только именем. Он был на полголовы выше одноклассников, имел буйную, почти негритянскую шевелюру. Красавчиком его назвать было нельзя, но и уродом тоже – его лишь немного портило легкое косоглазие. Заметным оно становилось только тогда, когда Гарри смотрел на кого-то в упор, что случалось крайне редко, обычно глаза его бегали. Начитанный Юра про себя сразу дал ему кличку Циклоп. Уж больно четко Гарри у него ассоциировался с этим одноглазым громилой.

Циклоп почему-то сразу невзлюбил Боброва. Скорее всего сам Юрка был здесь ни при чем, просто для самоутверждения Гарри требовалась жертва, и выбор, естественно, пал на тихого и безобидного «ботаника». Надо же было размяться на слабом, прежде чем приступить к более сильным!

Для начала Гарри устроил Боброву проверку: на его глазах поменял учительский стул на сломанный. Со стороны стул выглядел как обычно, стоило же на него сесть, как ножки разъезжались в разные стороны, словно у новорожденного жеребенка. Стул предназначался для молодой студентки, которая проходила практику у них в школе и отчаянно трусила перед каждым уроком. Девушка нравилась Юре: она бы-

ла неглупая, эрудированная, тщательно готовилась к каждому уроку, старалась работать неформально. Для нее главным было, чтобы ученики не вызубрили даты рождения и кончины русских писателей, а искренне заинтересовались их произведениями и хотя бы иногда брали в руки книгу не по принуждению, а по желанию.

Вот-вот должен был начаться урок, а Юра все не мог решиться на какой-нибудь поступок. Класс не обратил внимания на выходку Гарри, все занимались своими делами: мало ли для чего кто-то таскается со стульями! Вот уже в коридоре тренькнул звонок, и Бобров не выдержал – подошел к учительскому месту и взялся за стул. Когда он уже отходил от стола, в дверях появилась учительница.

– Бобров, это что такое? – нарочито строго возмутилась она. – Немедленно верни стул на место.

– Да я это, – забормотал Юра, – я не забираю.

– А чего тогда ты в него вцепился?

– Он не забирает, он вам его ставит, – подал голос Гарри, – поменять решил, этот к вашему платью по цвету больше подходит.

– Глупости какие, – фыркнула учительница, – все стулья у нас одинаковые. Поставь немедленно на место и садись, звонок не для тебя?

Юра растерялся и вернул стул. В дальнейшем никто не стал даже разбираться, виноват Бобров или нет. Все видели, как он ставил стул, чего разбираться-то? А Юра не мог сви-

детельствовать в свою пользу: он прекрасно понимал, как бы это выглядело со стороны. Может быть, в глазах педколлектива он себя и оправдал бы, а вот в глазах ровесников навсегда остался бы стукачом. Положение могла спасти одноклассница Алка, она прекрасно видела, кто подменил стул, но Юра даже не рассчитывал на ее помощь: девушка она была заметная, будет она заступаться за какого-то «ботаника» и портить отношения с Гарри!

Расплата была стандартной: «неуд» по поведению в четверти, порицание антигероя на педсовете, воспитательная беседа с родителями, разбор полетов на комсомольском собрании. Педколлектив особо не усердствовал, Юра был на хорошем счету, поэтому его лениво пожурили, объяснили, почему советский школьник не должен так поступать, нарисовали картинку возможных последствий столь необдуманной шалости: упади девушка менее удачно, она могла бы сломать копчик и даже повредить позвоночник!

За «неуд» отец в этот раз расщедрился на ремень и долгое пьяное нравоучение. Неприятнее всего было классное собрание.

– Наш комсорг, Коля, подошел к решению проблемы с подростковым максимализмом. Скорее всего он точно так же, как и Гарри, не имел личной антипатии к Боброву, просто нашел повод поднять свой авторитет путем унижения другого, надо отдать должное, не самого слабого. Все-таки Бобров еще не относился к низшей касте класса. Впрочем,

комсорг попытался исправить положение и весьма талантливо обличал лицемера и скрытого экстремиста Юру. Особый упор он делал на то, что последний всю жизнь только притворялся этаким милашкой, а в душе был злобным пакостником. Коля предложил каждому однокласснику встать и сказать, что он думает о мерзком поступке Боброва, но классный руководитель, которая сидела на последней парте и отчаянно опаздывала в детский сад за ребенком, заметила, что это лишнее. В результате комсомольский вожак выдвинул три предложения: вынести провинившемуся строгий выговор с занесением в учетную карточку, объявить всем классом ему бойкот или поставить на вид. Что такое «поставить на вид», класс не знал, поэтому все проголосовали именно за этот вариант и быстро разбежались по домам. Никто не ведал, что творилось в этот момент в душе моего друга, и что он до липкого пота боялся, что большинство проголосует за бойкот.

– Как проголосовали вы? – пристально посмотрела я ему в глаза.

– А меня в тот момент не было в городе, – спокойно ответил Юрий, – видите ли, заболевание, благодаря которому я оказался в инвалидной коляске, – хроническое, оно преследовало меня с детства. В то время я еще мог самостоятельно передвигаться, но несколько раз в год меня отправляли в одну известную всероссийскую здравницу. Хорошо, если из девяти школьных месяцев пять-шесть я мог проучиться

в классе. Так уж получилось, что самые тяжелые моменты в жизни Юре пришлось пережить без моей поддержки. Обо всем этом я узнал значительно позже, когда уже не мог повлиять на течение событий.

– Что было дальше?

– Дальше начался ад, – тихо произнес Ростов, – и не последнее участие в подбрасывании дровишек под сковородку принял комсорг Коля. Именно он создавал то самое общественное мнение, которому следовали не желающие разбираться в ситуации подростки этой социальной группы. Я хочу, чтобы вы начали с Коли.

С Коли так с Коли, решила я, очень подходящая кандидатура для разминки. Проверим кое-какие факты и начнем. Должна же я знать, насколько силен был толчок комсорга в спину самоубийце и где его слабое место.

* * *

– Дядя Сережа, здравствуйте, – затараторила я в телефонную трубку, едва села в свою машину, – представляете, у меня теперь живет самый настоящий конь.

– Алина приволокла? – попал Курбатов в точку.

– Вы такой проницательный!

– Не ерничай, ты сама не представляешь, до каких границ простирается моя проницательность. По какому поводу звонишь? Чего хочешь?

– А как вы догадались, что не по поводу коня?

– Просто ты еще ни разу не позвонила, чтобы просто поболтать со старым другом, – разумно разъяснил он.

– Не хочу тревожить вас по пустякам. У вас такая серьезная работа!

– Так я тебе и поверил, лгунишка.

– В таком случае вынуждена вас разочаровать, – позло-радствовала я, – дело как раз в Марсике, так моего постояльца зовут. Дело в том, что у лошадки документы не в порядке.

– Все ясно. Вы с Алиной украли коня и хотите, чтобы я вас прикрыл, – констатировал Сергей Дмитриевич, – только ФСБ, как правило, занимается другими вопросами, поэтому выкарабкивайся сама, моя девочка.

– Опять не попали, – торжествовала я, – никто Марсика не крал, и документы у него есть, просто Алина – третий владелец, а первый в свое время не вложил в пакет документов паспорт прививок. Второму владельцу было все равно, а мы хотим серьезно заняться здоровьем Марсика, а дублировать некоторые прививки вредно.

– В документах должен быть адрес первого владельца.

– Как бы не так, он сменил адрес и телефон.

– Хорошо, диктуй данные.

Я сообщила полковнику фамилию, имя, отчество и дату рождения комсорга Коли и попросила, по возможности, узнать место работы, марку машины, состав семьи, наличие судимости – короче, все, что он мог мне предоставить.

– И все эти данные необходимы для поиска справки о прививках? – с иронией поинтересовался полковник.

– А вы как думали? Вдруг он нехороший человек и потребует за справку большие деньги? Алина – девушка необеспеченная, сможет его шантажировать, если есть чем.

– Полина! – многообещающим тоном произнес он.

– К тому же Алина до чертиков хорошенькая, поэтому этот гад вместо денег может потребовать черт знает что и оскорбит этим ее скромность. Вы этого хотите?

– Ты можешь мне пообещать, что в этот раз обойдется без криминала?

– Клянусь своим честным именем и гробом, – пообещала я.

– Пороть тебя некому, – проворчал лучший друг моего погибшего отца, перед тем как положить трубку.

Через полчаса у меня было все, что требовалось. Чернуцкий Николай в свое время не успел сделать партийную карьеру, пытался заниматься бизнесом, жестоко прогорел и все эти годы прозябал, работая инструктором по гражданской обороне на одном из заводов города. Обращаясь к старому другу отца, я злоупотребляла его слабостью ко мне, обычно сведения о жителях города я добывала с пиратского диска, проданного мне моим внештатным техническим сотрудником Витей Шиловым, но в этом случае я рискнула обратиться именно к Сергею Дмитриевичу. Он дал мне сведения, которые не могли содержаться в информационной базе диска.

Уже дома на диске я нашла и переписала сведения о жене и детях Николая Чернуцкого, номера их телефонов. С кого начнем? Пожалуй, как обычно, с соседей. Но это – завтра, сейчас уже вечер, темно, во дворе дома никто не гуляет, семьи в сборе, вряд ли кто-то захочет со мной разговаривать. Подобные рейды должны совершаться днем, когда пенсионеры и домохозяйки скучают одни и рады любому мало-мальски значимому событию. А сейчас стоило заехать в таксопарк, вернуть долг доброму таксисту. Я быстро нашла нужный адрес, постучала в окошко диспетчера. Молодая девчонка, студентка по виду, радостно отозвалась:

– Вам машину? Подождите минуточку, сейчас найду свободного водителя.

Она потянулась к рации, но я ее остановила:

– Мне не нужен свободный водитель, я хочу видеть Сергея Дорофеева.

– Я тоже хочу, – печально хмыкнула она, – но Сережу сегодня уволили.

– Так быстро? – не смогла сдержать эмоции я.

– У нас это происходит моментально. А у Сережи было одно предупреждение. В первый раз на него дама какая-то пожаловалась, он отказался ей чемоданы к поезду поднести, сегодня клиента избил.

– Не думала, что он такой задиристый, – попыталась я спровоцировать студентку на дальнейшие откровения.

– Глупости. Сережа добрый. Просто та дама говорила с

ним, как с быдлом, а сегодняшний мужик вообще девице врезал за то, что она пыталась вперед него в такси сесть.

– Чего же ваше начальство за него не заступилось? Благородный поступок парень совершил.

– Будет оно разбираться, начальство. Им клиентов терять невыгодно. Так тебе машину заказывать?

– Обойдусь. Дай-ка мне лучше номер телефона Дорофеева.

– Не положено, – насупилась девушка.

– Положено, – не поверила я и протиснула в окошко купюру.

– Уберите, – возмутилась студентка, – у Сережи и так неприятности, а вы еще вынюхиваете тут. Кто ты вообще такая?

– Девица, за которую он вступился, – не обратила внимания на переход с «вы» на «ты».

– Неправда, – недоверчиво произнесла она. – Сережа говорил, что та девица была смешная. А ты обычная.

– А так? – скривила я рожу. – Так смешная?

Девушка прыснула:

– Ладно, верю. Тебе он зачем?

– Деньги хочу вернуть. Он меня подвез, а оказалось, что я в драке с тем типом кошелек потеряла. Может, я оставлю, а вы передадите?

– Вряд ли он еще сюда вернется. Шеф так орал, да и Сергей в долгу не остался, сразу расчет и взял. Ладно, пиши ад-

рес. Вообще-то прописан он по другому, но снимает квартиру именно там, и мобильный его у меня есть.

— А почему он снимает квартиру, если прописан в городе? — не удержалась я.

— С женой развелся, квартиру ей оставил. И правильно сделал, что развелся. Ты бы ее видела! — поделилась словохотливая девица. — Только я адрес не просто так тебе дала. Этот тип грозился, что заявление на него в милицию подаст. Может, ему и Сережиного увольнения хватит, а может, и правда подаст. Раз ты виновата, то сама и спасай Сережу. Только потом обязательно мне позвони, расскажи, что и как. А то я переживать буду.

Я поблагодарила диспетчершу и села в машину. Вот так. Если бы я не должна была ему денег, то и не узнала бы, что он пострадал из-за моей предприимчивости. Пострадал, правда, не столь значительно, но мне всегда бывало неприятно, если в процессе моей работы «летели щепки». По сути, я и старалась заступаться именно за эти «щепки», пострадавшие по милости сильных мира сего или просто глубоко непорядочных людей. Теперь придется как-то помочь Сергею. Естественно, если угроза Дударева по поводу подачи заявления пустая, то достаточно будет просто проследить, чтобы парень быстро нашел другую работу, а если нет, то придется вытаскивать его из заварушки, которую сама же и устроила.

Внезапно мне стало жутковато: как, оказывается, походя решается судьба человека! Еще полдня назад Дорофе-

ев спокойно разъезжал по городу, работал, и вот его путь неожиданно пересекся с дорожкой подлеца. И все! Дальше жизнь сломать хорошему человеку – как пальцами щелкнуть. Оплати Дударев хорошего обвинителя – и нет честного человека Сергея Дорофеева, есть новоиспеченный уголовник. Хорошо, если пятнадцатью сутками отделается. Мой личный счет к этому типу вырос до ноль – три, плюс единица заказчика. Интересно, насколько он вырастет, когда я наконец до него доберусь?

Пока же предстояло добраться до Сергея. Недолго думая, я поехала по адресу, который дала мне девушка. Возле самого дома Дорофеева я набрала его номер на мобильном:

– Здравствуйте, Сережа, вы сейчас дома?

– Дома, – хмуро отозвался он, – а с кем имею честь?

– С вашей сегодняшней смешной пассажиркой. Хочу отдать вам долг.

– Это ты, бедолага?

Судя по голосу, он улыбался. Прекрасно, убивать меня за свою поломанную карьеру он явно не собирался.

– Где мы можем встретиться? – строго осведомилась я, чтобы он не заподозрил меня в игривости.

– А где вы находитесь?

– Недалеко от вашего дома, – не стала лукавить я.

– Тогда в парке, рядом. Буду через десять минут.

В последний момент я вспомнила, что Сергей запомнил меня совсем в другом облике. Хорошо, что все причинда-

лы остались в машине, я быстро нахлобучила паричок, наде- ла очочки, скинула шубку. Менять джинсы на юбку не бы- ло времени, поэтому я решила оставить все как есть. В кон- це концов, джинсы – предмет демократичный, его носят как самые отсталые, так и самые продвинутые слои населения. Надеюсь, простой водитель не разберется в истинной стои- мости штанов. Накладку под губу я тоже не стала ставить, хватит уже пугать хорошего человека. Тем более такого сим- патичного, как Сергей.

Я увидела его издалека и радостно бросилась навстречу. Даже сама удивилась, насколько радостно. Скорее всего я просто вошла в роль непосредственной и не думающей, как она выглядит со стороны, простушки. Сейчас я рассмотрела его лучше: средний рост, немного полноват, но полнота де- лает его только симпатичнее, коротко стриженные темно-ру- сые волосы, большие, немного девчачьи глаза. От такого раз- реза глаз и загнутых ресниц не отказалась бы любая красот- ка. Слегка смазливую внешность уравнивал мужской характер, поэтому я решила простить ему и глазки, и рес- нички, ведь ни раздражения, ни антипатии они не вызывали.

– Я пятьдесят рублей принесла, – попыталась я объяснить свой жизнерадостный вид.

– Здорово, жизнь налаживается, – преувеличенно эмоци- онально обрадовался он, – теперь заживем.

– Ой, я совсем забыла, – потухла я, – вас же из-за меня с работы уволили.

– Не из-за тебя, а из-за того хмыря, – поправил он, – и вообще, это не повод умыться слезами. Все равно уволиться хотел, не моя эта работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.